

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПУШКИНСКОГО МИФА В ПЬЕСЕ ЕЛЕНЫ ИСАЕВОЙ «ЛИЦЕЙ»

Син Вэй

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; xingwxw@163.com*

Аннотация: В статье рассматривается реконструкция пушкинского мифа в пьесе Елены Исаевой «Лицей» (другое название «Девятый выпуск»). Вначале дан краткий обзор бытования пушкинского мифа на разных этапах литературного развития, а также проясняется его звучание в настоящее время. Неомиф нового времени, базируясь в какой-то мере на автомифе, а далее развиваемый культурным и общественным сознанием, включает в себя предшествующие элементы того, что было связано с ним, но осмысливается на сегодняшний момент сквозь призму видения личности писателя в том виде, как она сложилась на протяжении времени. Для выявления его специфики автор статьи использует термин «реконструкция», который позволяет соединить прежнее бытование мифа и внесение в него новых элементов. Поэтому разговор о реконструкции пушкинского мифа в означенной пьесе потребовал анализа трактовок, которые получал этот миф в более ранних произведениях писательницы Елены Исаевой (стихотворение «Лишние слезы», комедия «Спасибо, Пушкин!»). Выявление особенностей реконструкции осуществлено с помощью привлечения составляющих его мифологем, центральной из которых становится мифологема «лицейского братства» как особого явления, тесно связанного с формированием и закреплением пушкинского мифа (в его основе лежит понятие «честь»). Для выявления традиций в сфере поэтики автором статьи привлечена пьеса М.А. Булгакова «Александр Пушкин».

Ключевые слова: Елена Исаева; пьеса «Лицей»; реконструкция; пушкинский миф; мифологема лицейского братства; М.А. Булгаков

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-01-14

Для цитирования: Син Вэй. Реконструкция пушкинского мифа в пьесе Елены Исаевой «Лицей» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 1. С. 178–188.

RECONSTRUCTION OF PUSHKIN'S MYTH IN ELENA ISAEVA'S PLAY *THE LYCEUM*

Xing Wei

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; xingwxw@163.com

Abstract: On the basis of the play *The Lyceum*, the article discusses the perception and adaptation of the traditional Pushkin's myth by the contemporary female theatre writer Elena Isayeva. Firstly, it analyses the tradition, inheritance and current directions of development of the Pushkin's myth in Russian literature, and secondly, proves the justification and necessity of the use of the term "reconstruction". The main auxiliary texts analyzed are poems of early writers on the theme of Pushkin "Unnecessary Tears", comedy *Thank You, Pushkin*, Bulgakov's play *Alexander Pushkin* which has been introduced for the purpose of comparing the traditions. The author aims to prove that in modern dramatic literature the representation of Pushkin's myth has diversified, and instead of focusing on the elements related to the poet in the previous two centuries, the focus has shifted to the "preciousness" of his spirituality, which has been elevated to the significance of Pushkin and his myth for the nation-state.

Keywords: Elena Isaeva; play *The Lyceum*; reconstruction; Pushkin myth; mythologeme of Lyceum brotherhood; M.A. Bulgakov

For citation: Xing Wei (2026). Reconstruction of Pushkin's Myth in Elena Isaeva's Play *The Lyceum*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 178–188.

«Там, где кончается документ, там я начинаю», — писал Тынников. Это положение расшифровал В.И. Новиков при анализе его последнего неоконченного романа «Пушкин»: «...еще одно напряженное соотношение присутствует в романе — соотношение документального факта и свободного творческого вымысла. Они настолько естественно дополняют друг друга, что граница между ними нередко неустановима — не только для массового читателя, но и для специалиста» [Новиков 1984: 12]. Размышляя об образе Пушкина, современный ученый пришел к выводу, что «пушкинская мифология строилась на протяжении двух веков, фундамент ее закладывал сам поэт при активном соучастии друзей, недругов, собратьев по музе и литературных противников» [Новиков 2007: 8].

Пьеса современного драматурга Елены Исаевой «Лицей» имеет еще другое название — «Девятый выпуск» и рассказывает о выпускниках 1838 года, окончивших Лицей через год после смерти Пушкина, когда это событие было еще животрепещущим. В том и другом названиях так или иначе обыгрывается мифологема «лицейской дружбы» и все, что связано с Лицеем как местом, определившим личность поэта. Лицейское братство — это круг друзей, окружавших

Пушкина в годы учебы. В него входили Дельвиг, Кюхельбекер, Корсаков, Яковлев, Илличевский. Вместе с Пушкиным их было шестеро. В пьесе Исаевой тоже шесть молодых героев. И это намеренное наложение. Хотя сюжетная канва не имеет аналогии в реальности, происходящее в пьесе воспринимается как дублирование дружбы поэтов-единомышленников во времена Пушкина. Текст пьесы заканчивается реальными биографическими очерками выпускников 1838 года. И действуют в пьесе реальные исторические личности, судьба которых сложилась различно. Вся же пьеса строится вокруг идеи возникновения пушкинского мифа, который начал формироваться еще при жизни поэта, но окреп в своем функционировании после его смерти.

Эпоха антропоцентризма потребовала создания «автомифов», которые в свою очередь становились «источником порождения новых мифов» [Виролайнен 1995: 333]. Миф о Пушкине всегда привлекал особое внимание деятелей искусства не только в связи с глубоким реальным влиянием гениального поэта на русскую литературу, но и потому, что стал неотъемлемой частью национальной мифологии, во многом покоящейся на литературоцентричности общественного сознания. Первоначально создание мифа связано со стихотворением «Смерть поэта» Лермонтова, однако впоследствии способы формирования мифологического образа поэта менялись в зависимости от различных культурно-социальных условий [Шеметова 2010]. Указанный этим филологом материал подсказывает, что пушкинский миф подобен зеркалу, отражающему духовное ядро самих создателей текстов о Пушкине.

Обращение к пушкинскому мифу в современной русской литературе происходит постоянно. Это рассказы Татьяны Толстой «Лимпопо», «Сюжет», роман А.Г. Битова «Ожидание обезьян» и его рассказ «Вычитание зайца», а также мн. др. Однако по сравнению с сакрализацией Пушкина в XIX веке (у Гоголя, Достоевского) и официальной трактовкой в духе социалистического реализма в советский период изображение Пушкина в современной литературе частично пошло по пути диверсификации. На двунаправленность тенденции развития мифа о Пушкине указала Т.Г. Шеметова: это было либо «воскрешение» либо создание истории «в сослагательном наклонении» [Шеметова 2009: 60]. Так появились Пушкин-Христос Битова и Пушкин-Антихрист Армалинского [Шеметова 2009: 64]. Хотя развитие тенденций еще требует более глубокого изучения (ведь произведения, обращенные к пушкинскому мифу, постоянно появляются), можно резюмировать, что пушкинский миф в процессе коллективного бессознательного или сознательного творчества

будет и далее определять русскую ментальность на всех уровнях культуры.

Еще необходимо выяснить суть понятия «реконструкция мифа». Следует отметить, что «реконструкция» не является признанным или академически принятым термином во многих словарях и статьях. Если термин «реконструкция» расшифровать, то в литературоведении он имеет отношение к этимологии и лингвистике. Но выбор этого термина для нашего анализа текста пьесы необходим, и мы трактуем его более расширительно, опираясь на высказанные суждения.

Во-первых, согласно литературному энциклопедическому словарю, при объяснении термина «миф» дается следующее описание типа художественного мифологизма в XX веке: «Реконструкция древних мифологических сюжетов, интерпретированных с большей (пьесы Жироду, Ануя, Сартра) или меньшей (“Моисей” Т. Манна, “Варавва” и “Сивилла” П. Лагерквиста) долей вольного “осовременивания”» [Материалы к Литературному энциклопедическому словарю 1987: 224]. На основании этого определения можно заключить, что реконструкция мифов стала ведущей тенденцией мифологизма нового времени. Во-вторых, реконструкция (термин, сопровождающий деконструкцию) появился в постструктурализме, где указывается, что деконструкция может включать в себя два процесса — переворачивание и реконструкцию. Они осуществляются «одновременно, сохраняя в то же время различия между собой» [Материалы к Современному философскому словарю 2015: 169]. Однако следует уточнить, что, несмотря на использование термина «реконструкция», мы не определяем Исаеву как драматурга-постмодерниста. Ей всегда было важно «начать все сначала» в ситуации утраты ясности, смысла, понимания», «незапрограммированно погружаться в стихию текста» [Скоропанова 2001: 19]. (Тем не менее, заметим в скобках, тип литературного творчества этой писательницы еще нуждается в тщательном исследовании.)

Еще один термин необходимо упомянуть: это роман-реконструкция. Считается, что на этом поле творил Ю.М. Лотман, развивая на практике новые жанры в области структурно-семиотической поэтики. На это обратили внимание филологи: «Особый интерес представляют исследования по теории биографии и семиотике поведения, практическим приложением которых стали лотмановские биографии Пушкина (1981) и Карамзина (1987)» [Пильщиков 2018]. Б.Ф. Егоров объяснил природу жанра в предисловии к работе Лотмана: «Автор предлагаемой книги позволяет себе реконструкции и композицию фактов, но решительно отвергает выдумку, даже “художественную”, оставаясь на твердом фундаменте реальной

истории» [Егоров 1987: 9–10]. Указанное определение не соответствует в полной мере жанру пьесы Исаевой, но думается, что дух реконструкции, пронизывающий творения Лотмана, оправдывает использование этого термина в качестве опоры для анализа. Это подтверждает цитата из предисловия: активность автора «направлена на воссоздание того целостного идеала личности, который создавал в своей душе герой биографии» [Егоров 1987: 13]. Позволим себе сделать вывод, что характеристика реконструкции пушкинского мифа в пьесе «Лицей» поможет понять ее основную идею: отсылая читателя к реальному историческому лицу, драматург использует элементы пушкинского мифа и исследует влияние Пушкина, ставшего «солнцем России», на целое поколение.

Современная российская литература предлагает различные трактовки пушкинского мифа. Это мы можем проследить, выявив этапы обращения Исаевой к нему. Пушкинская тема появилась изначально в ее поэтическом творчестве. В сборнике стихов «Лишние слезы» (1997) был напечатан одноименный цикл, состоящий из нескольких стихотворений. Он написан от первого лица. Поэтесса встречает «Его», пришедшего к ней сквозь время и пространство. Возникает любовная история, в которой возлюбленный и поэт как бы сливаются в одно целое. Их роман «осенен» Пушкиным, который появляется как памятник, стоящий на площади, и становится незримым участником их романа. Исаева подхватывает и развивает «один из самых значительных литературных мифов в нашей культуре — это миф о поэте» [Собенников 2024: 52]. Она как бы продолжает уже установившуюся традицию. Таковы были «Встреча с Пушкиным» Цветаевой, «В царском селе», «Кавказское», «Городу Пушкина» и «Пушкину» Ахматовой, «Пушкинскому дому» Блока, «Юбилейное», «Пушкину» Маяковского и т. д. «Ты — самый умный, сильный, добрый, нежный... / Ты — самый страшный в мире человек» [Исаева 1997]. Очевидно, что лирическая героиня Исаевой призывает различать в человеке «частное лицо», конкретную личность, и того, кого мы как бы прозреваем в любимых, то приближение к идеалу, о котором мечтаем. Поэтому и происходит «удвоение»: за «возлюбленным» лирической героине мерещится «поэт», поэтому она и предлагает уже не любовную тему для разговора, как ранее, а хочет «говорить о тебе и о литературе / О месте твоём в мировой переключке имен» [Исаева 1997]. Так возникает «замещение», и любовь к земному человеку оборачивается любовью к поэту.

В 2013 году Исаева пишет комедию «Спасибо, Пушкин!», где, несмотря на комические приемы и повороты сюжета, проявляется драматическое начало, приправленное элементами абсурда. Получается, что для того, чтобы сохранить миф, приходится изворачи-

ваться и нередко прибегать ко лжи. Так происходит, когда миф начинает эксплуатироваться массовым сознанием. В пьесе постоянно присутствует мифологема «памятник». В случае пушкинского мифа мифологемой становится или часть биографического сюжета (дуэль), или часть «тела мифа», которой может стать наиболее репрезентативный образ или акция (в данном случае «памятник нерукотворный» себе в стихотворении и рукотворный как фигура на пьедестале, созданная скульптором).

«Памятник» застыл водоразделом Пушкина мертвого и Пушкина живого — в нашем сознании» [Битов 1999: 84]. Но в пьесе Исаевой разоблачается миф-ложь, т.к. имя Пушкина используется людьми для своих корыстных целей. Миф в данном случае не хранит истину, пусть и приукрашенную и возвеличенную, а прикрывает происки проходимцев, которые для сохранения своих привилегий пускают слух, что в доме, где располагается их литературная контора, когда-то побывал поэт. А потому все надо сохранить не только как было, но и укрепив «пушкинское пребывание» сооружением памятника. Пиком абсурдизма становится речь на открытии монумента поэта Григория, который как бы примеряет на себя роль Пушкина как объединителя русской культуры. Речь пародирует и стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», и выступления Тургенева и Достоевского на открытии памятника в Москве в 1880 году.

Пушкинский миф в комедии демифологизирован на сюжетном уровне: «памятник» поэту в итоге устанавливается, он становится визитной карточкой города, но это только узаконивает ложь, которая отныне будет фундаментом всех последующих «представлений», которые будут осенены именем Пушкина и будут разыгрываться вокруг него. Однако для читателя и зрителя демифологизации мифа о Пушкине не происходит: он может только скорбеть из-за действий всевозможных проныр, которые не брезгают ничем. А чтобы выразить эту мысль яснее, Исаева обращается к пушкинской маленькой трагедии «Моцарт и Сальери». Ведь в ней тоже возникает тема предательства, измены, соотношения гениальности и таланта и пр. Она проводит параллель между Пушкиным и Дантесом, Моцартом и Сальери. Связующим звеном становится мифологема «дуэли». В пьесе Моцарт умер от того, что готов был «огонь трогать» [Исаева 2013: 101], т.е. был бесстрашен и романтичен. Сальери не из-за зависти отравил его, а «чтобы миропорядок не рухнул» [Исаева 2013: 101]. Сальери даже «любит Моцарта» [Исаева 2013: 101]. Но это была любовь особая: так Николай I любил Пушкина. И проходимцы из пьесы тоже «любят» Пушкина и готовы изолгаться ради сохранения памяти о нем. Так уже здесь возникает этическая проблематика,

впоследствии пронизывающая пьесу «Лицей», которая была напечатана в журнале «Кольцо А». Она сейчас идет в Театре имени Пушкина и Школе-студии МХАТ. Драматург перенесла внимание с личного мифа Пушкина на его воздействие на последующие поколения, на то, как имя Пушкина влияло (влияет?) на молодые умы. Она словно бы доказывает, если воспользоваться понятием, зафиксированным Ницше, «вечное возвращение» пушкинского мифа, подлинное бессмертие поэта. Завязкой пьесы служит известие о смерти Пушкина и появление распространяемой рукописи со стихотворением Лермонтова «Смерть поэта», смысл которого правильно уловлен лицеистами. Выпускник Яхонтов прямо говорит: «Господа! Дантес не Пушкина убил! Он убил всех нас!» [Исаева 2018]. Показательно, что драматург переключает внимание с дуэли, выяснением обстоятельств которой обычно и занимаются писатели, на значение этого события для будущих поколений. Т. е. ей важно выяснить, кем являлся Пушкин в сознании его современников. Это влечет за собой то, что в пьесе «Лицей», как и в проанализированной ранее комедии, Пушкин не появляется. Автор работает именно с памятью о Пушкине, т. е. с национальным мифом.

Это внешне напоминает прием Булгакова в его пьесе «Александр Пушкин» («Последние дни»), где мы также не видим Пушкина на сцене. Но там драматург воспроизводил только начальный этап становления мифа. Он предлагает мифологическую реконструкцию смерти Пушкина и исследует роль Дантеса как инструмента политической интриги, которую разработал Николай I, становящийся, по сути, убийцей поэта. Также отметим, что Булгаков сравнивает Пушкина с Богом («истинный Бог» [Булгаков 1994: 172, 209]), окружает его имя словами из церковного лексикона (в данном случае так воспринимается топоним «Святые Горы» [Булгаков 1994: 209], «обитель» [Булгаков 1994: 209]). В результате фактически размывается личная идентичность Пушкина, и он предстает как выразитель своего времени и культуры, как жертва власти.

Несколько иным путем идет Исаева. Она не только включает какие-то значимые элементы пушкинских текстов в речи героев, но практически создает лирический каркас драмы, насыщая пьесу стихами, в свое время созданными Пушкиным и лицеистами. Выбор стихотворений отражает внутренний мир героев, их психологическую отзывчивость. Так, когда Икскуль (персонаж, соответствующий реальному историческому лицу) сидит в карцере, Лиза играет и поет для него романс на стихотворение Кюхельбекера «Поэты», написанное в 1820 году. А к ней присоединяются Воейков и Трофимов, выражая тем самым свое бесстрашие и верную дружбу. В пьесе звучат и стихотворения Пушкина, созданные к лицейской годов-

щине 19 октября, декламируются стихотворения Дельвига и Кюхельбекера, которые раскрывают романтический дух героев и становятся нитью, связывающей поколения. Самым близким к Пушкину был Дельвиг, который, как считал поэт, пробудил в нем «сердечный жар», т. е. подтолкнул его к творчеству. Образ Дельвига начинает незримо витать в пьесе, он становится воплощением рано угасшей юности и символом порыва к свободе.

В пьесе предложена оригинальная интерпретация злодейства и предательства. Маленькую трагедию Пушкина «Моцарт и Сальери» разыгрывают лицеисты нового поколения, что усиливает значимость этической проблематики пьесы. Показателен осуществленный Исаевой «перевертыш»: запятнавший себя предательством де Бриньи играет Моцарта, а преданный и честный Икскуль — Сальери, что углубляет драматический конфликт и заставляет вновь задуматься о провидении, возникновении мифа и других факторах истории.

Де Бриньи ради своей карьеры, которую он хотел построить после окончания Лицея, донес на выпускников, рассказав, что они распространяли стихотворение Лермонтова, создали журнал, где печатали запрещенные произведения, за что всем, кроме него, грозили поражение в правах и ссылка. Особенно должен был пострадать Икскуль. И вот между Икскулем и де Бриньи, после того как его простили друзья, состоялся следующий разговор:

«ИКСКУЛЬ (не глядя на него). Я догадался, Саша. / ДЕ БРИНЬИ. Когда? / ИКСКУЛЬ. Когда Наташа нашла листок. Только ты мог запомнить все с первого раза, да еще с голоса. / ДЕ БРИНЬИ. И зная это, ты все равно пошел вызволять меня из карцера? / ИКСКУЛЬ. Это провидение, Саша. Не через тебя, так иначе, а Лермонтов все равно бы стал Лермонтовым... Гордыня — считать, что через нас...» [Исаева 2018].

Как видим, Исаева отказалась от попыток докопаться до исторической правды, не выносит своего вердикта относительно виновника трагедии, свершившейся на Черной речке. Писательница скорее рассматривает Сальери и Дантеса как инструменты для осуществления «провидения». Судьба не изменяется из-за одного человека. Автор считает, что существует фатализм, и судьба поэта вершится по замыслу Бога.

Центральной темой «Лицея» является выбор линии поведения. Чем руководствоваться молодому человеку — высшими требованиями нравственности или житейской выгодой? Хотя, кажется, это довольно трафаретная постановка вопроса, здесь он решается с помощью того ориентира, которым становится миф о Пушкине как человеке высочайших моральных качеств. Молодое поколение, юное

и неопытное, не могло предвидеть всех сложностей, которые так или иначе грядут, поэтому особенно становился важен тот духовный потенциал, который словно «внедрен» Пушкиным в лицейстов. Лицейское братство не могло исчезнуть. «Первый выпуск» завещал «девятому выпуску» совесть как жизненный ориентир. Это та особая моральная поддержка и выдержка, которая будет осуществляться в каждом следующем поколении «выпускников» и будет воспринята самыми благородными и цельными.

Елена Исаева проделала значительную и своеобразную работу над пушкинским мифом: она сместила акцент с выяснения исторических обстоятельств мифологизации имени Пушкина на изучение той «направляющей» духовной роли, которую играет пушкинский миф в обществе. Это почти точное следование основной функции мифов, как ее трактовал Е.М. Мелетинский: регулировать и поддерживать определенный природный и социальный порядок. «В качестве модели часто выступают события мифологического прошлого», — писал он [Мелетинский 2000: 171]. В данном случае пушкинская жизнь и память о нем становятся такой моделью, на которую человек должен ориентироваться, чтобы сохранить в себе человеческое. Это почти реализация слов Гоголя о Пушкине: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет». Исаева показала, что зачатки этого возникли намного раньше.

Пьеса Исаевой при публикации не получила сколько-нибудь заметных откликов. Зато на постановку критики отозвались. И один из них написал: в пьесе, которую играли студенты театральных вузов, «было много молодой пылкости, но и старомодной риторики; большей частью это проблема пьесы, выглядящей архаичной...» [Спешков 2018]. Однако «старомодная риторика», на наш взгляд, здесь явилась необходимым условием создания соответствующей атмосферы. Именно эта «старомодная риторика» погружает читателя и зрителя в эпоху и заставляет нас действительно почувствовать очарование романтизма, вдохновляющего учащихся Лицея. Она неотделима от эпохи и помогает глубже осознать истоки и значение пушкинского мифа для русского национального сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Битов А.Г.* Предположение жить (Воспоминание о Пушкине) // Предположение жить. 1836 / Сост. Андрей Битов. М., 1999. С. 13–114.
2. *Булгаков М.А.* Александр Пушкин // Пьесы 1930-х годов / Театральное наследие. СПб., 1994. С. 171–209.

3. *Виротайнен М.Н.* Культурный герой нового времени // Легенды и мифы о Пушкине: Сборник статей / Под ред. М.Н. Виротайнен (ИРЛИ РАН). СПб., 1995.
4. *Егоров Б.Ф.* Биография души // Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 7–14.
5. *Исаева Е.В.* Лишние слёзы // Лишние слезы: Стихи. М.: Прок, 1997. [Электронный ресурс] URL: <http://www.isaeva.ru/poems/tears.html> (дата обращения: 07.04.2024).
6. *Исаева Е.* Спасибо, Пушкин! // Современная драматургия. М., 2013. С. 96–118.
7. *Исаева Е.* Девятый выпуск // Кольцо А, 2018. № 119. [Электронный ресурс] URL: <https://www.soyuzpisateley.ru/publication.php?id=1048> (дата обращения: 07.04.2024).
8. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. 751 с.
9. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 2000. 407 с.
10. *Новиков В.И.* Путь к Пушкину // Тынянов Ю. Пушкин. М., 1984. С. 5–13.
11. *Новиков В.И.* Двадцать два мифа о Пушкине // Новиков В.И. Роман с литературой. М., 2007. С. 6–19.
12. *Пильщиков И.А.* Жизнь как текст: что сделал Лотман // Полка. 2018. 28 февраля [Электронный ресурс] URL: <https://polka.academy/materials/845> (дата обращения: 07.04.2024).
13. *Скоропанова И.С.* Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. СПб., 2001.
14. *Собенников А.С.* А.С. Пушкин как мифотворец // Мифы русской литературы: история, поэт, Россия, народ. СПб., 2024. С. 52–63.
15. Современный философский словарь. М.; Екатеринбург, 2015. 823 с.
16. *Спешков В.* Эскизы на первом плане // Экран и сцена. М., 2018. № 18 (1139).
17. *Шеметова Т.Г.* Три тенденции в современной литературной «Пушкиномании» // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. 2009. № 4. С. 55–66.
18. *Шеметова Т.Г.* Пушкинский миф: функционирование в современной литературе // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2010. № 10. С. 201–207.

REFERENCES

1. Bitov A.G. Presumption to live (Memories of Pushkin) // Presumption to live. 1836 / Compiled by Andrei Bitov. Andrei Bitov. Moscow: Nezavisimaya Gazeta. 1999. 917 p. pp. 13–114. (In Russ.)
2. Bulgakov M. A. Alexander Pushkin // Pieces of the 1930s / Theatre Heritage. SPb.: Art-SPB, 1994. 671 p. pp. 171–209. (In Russ.)
3. Virolainen M.N. Cultural hero of the new time // Legends and myths about Pushkin: Collection of articles / Edited by M. N. Virolainen (Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences). SPb.: Humanitarian Agency “Academic Project”, 1995. 352 p. (In Russ.)
5. Egorov B. F. Biography of the soul // Lotman Yu. M. The Creation of Karamzin. Moscow: Book, 1987. 336 p. pp. 7–10. pp. 11–14. (In Russ.)
6. Isaeva E.V. Lishnye tears // Lishnye tears: Poems. Moscow: Prok, 1997. [Электронный ресурс] URL: <http://www.isaeva.ru/poems/tears.html> (дата обращения: 07.04.2024).
7. Isaeva E. Thank you, Pushkin! // Modern Dramaturgy. M., 2013. pp. 96–118. (In Russ.)
8. Isaeva E. Ninth issue // Ring A, 2018. № 119. [Электронный ресурс] URL: <https://www.soyuzpisateley.ru/publication.php?id=1048> (дата обращения: 07.04.2024). (In Russ.)

9. Literary encyclopaedic dictionary / Edited by V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev. Moscow: Sov. encyclopaedic, 1987. 751 p. (In Russ.)
10. Meletinsky E.M. Poetics of Myth. M.: Nauka, 2000. 407 p. (In Russ.)
11. Novikov V.I. Way to Pushkin // Тын्यानov Y. Pushkin. Moscow: Book, 1984. 430 p. pp. 5–13. (In Russ.)
12. Novikov, V. I. Twenty-two myths about Pushkin // Novikov, V. I. Novikov. A novel with literature. M.: INTKADA, 2007. pp. 6–19. (In Russ.)
13. Pilshchikov, I. A. Life as a text: what Lotman did // Polka. 2018. 28 February [Электронный ресурс] URL: <https://polka.academy/materials/845> (дата обращения: 07.04.2024). (In Russ.)
15. Skoropanova I.S. Russian Postmodernist Literature: New Philosophy, New Language. SPb.: Izd, 2001. С. 201. (In Russ.)
16. Sobennikov A.S. A.S. Pushkin as a Mythmaker // Myths of Russian Literature: History, Poet, Russia, People. SPb.: ООО 'Izdatelstvo "Rostok", 2024. 264 p. pp. 52–63. (In Russ.)
17. Modern Philosophical Dictionary. Moscow: Academic Project; Ekaterinburg: Delovaya Kniga, 2015. 823 p. pp.167–169. (In Russ.)
18. Speshkov V. Sketches on the foreground // Screen and Stage. M., 2018. № 18 (1139). (In Russ.)
20. Shemetova T.G. Three tendencies in the modern literary "Pushkinomania" // MSU Herald. Ser. 9, Philology. 2009. № 4. pp. 55–66. (In Russ.)
21. Shemetova T.G. Pushkin myth: functioning in modern literature // Bulletin of Buryat State University. Philosophy. 2010. № 10. pp. 201–207. (In Russ.)

Поступила в редакцию 31.12.2024

Принята к публикации 17.06.2025

Отредактирована 22.01.2026

Received 31.12.2024

Accepted 17.06.2025

Revised 22.01.2026

ОБ АВТОРЕ

Син Вэй — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; xingwxw@163.com

ABOUT THE AUTHOR

Xing Wei — PhD Student, Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; xingwxw@163.com